

Н. В. ПОКРОВСКИЙ

Борьба с протестантскими идеями в Петровское время и князь Михаил Кропоткин

<Фрагменты>

<...>

Современники Максима Грека, Матвей Башкин, Феодосий Косой, достаточно показали, насколько ими были усвоены протестантские воззрения. В XVII столетии, по словам Майерберга, многие из русских, находившиеся в услужении у протестантов, невольно изменяли старине, сживаясь с их обычаями и взглядами. Между же боярами являлись даже крайние вольнодумцы. Князь Хворостинин¹ и Ян Болободский² не только хорошо знакомы были своим современникам, но и оставили по себе громкую память в потомстве. При всем том подобные явления не могли казаться опасными, как явления исключительные, одиночные.

Совсем не то было в XVIII в. Иноземцы стояли рука об руку с русскими; последние должны были не только терпеть их, но и учиться у них, и подчиняться им, и дружиться с ними. Это не могло остаться без влияния на религиозные воззрения: идеи, противные господствующим понятиям, стали прокрадываться всюду, в разные слои общества, в разнообразных формах. Понятно, что ревнители народного благочестия не могли не считать такой порядок вещей губительным и старались потому всеми мерами противодействовать ему. Церковные проповедники возглашали с кафедры, владевшие пером писали, способные рассуждать полемизировали; не умевшие или не хотевшие пользоваться духовным оружием прибегали к насильственным мерам.

В 1701 г. один из Лихудов, известных ревнителей православия, славных своею полемикой с Медведевым и партией его в XVII

ст. *, пишет поучение о предопределении, против кальвинистов**. Составленное поучение произносится в Москве, сначала в академической аудитории, потом в Заиконоспасском монастыре, на пятой неделе Великого поста***. Ученый проповедник с возможною ясностью, основательностью и большою подробностью рассматривает взятый предмет.

Выходя из основоположений кальвинского учения, Иоанникий смыслом разных мест Писания доказывает, что Бог, в силу Своего предопределения, не распоряжается судьбою человека самовластно, а сообразуется с его свободными делами, так как предопределение Божие основывается на предведении, а «предведение Божие (только) произволения (человека) предсмотряет». Довольно спокойный и сосредоточенный разбор и опровержение кальвинского учения не мешает и резким обличениям. «Апостолики и евангелики, о кальвины, нарицаетесь! Аще апостолики есте, чего ради не последуете апостольским повелениям, чего ради не ревнуете апостолам? Апостоли постишася и повелеша поститися в св. Четырдесятницу и среду и пяток всего лета, чего ради вы не поститесь? Коя ради вины, понеже евангелики нарицаетесь, не покоряетесь евангельским повелениям (Матф. гл. 4 и 36, Мар. гл. 1, Луки гл. 4)? Почто не покоряетесь ни апостолам, ни Евангелию, ни Самому Христу», — но Эпикуру, иже крайнее благо в сласть положи, и Сарданапалу, последнему ассирийскому царю, иже (яко же глаголет Иустин философ) проживе всю жизнь свою исполнену всякаго рода нечистоты и сластолюбия телеснаго; и еще достойно *не апостоликами, не епикуриками, не евангеликами, но сарданапаликами подобает вам нарицатися*****. Не довольствуясь разбором основоположений кальвинского учения, то есть богословскою стороною вопроса, Лихуд вступает в философскую область, для полного торжества над своими противниками. Он предлагает себе «философское задание» в виде дилеммы, решает его с уверенностью и искусством знатока и заключает слово увещанием, обращенным к слушателям, хранить себя от зловредного

* Журнал Министерства народного просвещения. 1845. Ч. 45, ст. Семеvского «Братья Лихуды»; Эпоха. 1865. Январь, ст. «Киевские ученые в Велитороссии».

** Рукоп. Син. библ. № 565, л. 153–259.

*** Рукоп. л. 257. Опис. Рук. Син. библ. 381; Ист. Сл.-Гр.-Лат. акад. С. 65, прим. 71.

**** Рукоп. Л. 180 на обор. и 181.

учения и творить дела благие. Если слушатели и не совсем поняли философскую половину слова, во всяком случае вышли из храма не без уверенности в том, что кальвинисты разбиты и учение их не имеет твердых основ.

<...> Местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский неоднократно в своих проповедях опровергал лютеро-кальвинские учения: в одной проповедник восстает против протестантов как врагов предания, поста, иконопочитания, в другой — как заблуждающихся относительно таинства Евхаристии, в третьей — как поносителей святых*; он то опровергает их, то молит слушателей бегать их, то наступает на них потоком негодования**.

Наряду с церковною проповедью, хотя и не особенно громко и устойчиво раздававшаяся, шло составление разных мелких литературных произведений обличительного содержания. Стефан Прибылович (с 1708 г. префект Московской академии, а потом соборный иеромонах Александро-Невского монастыря) дает православным, ввиду кальвинского учения о предопределении, — «предложение вопросов-ответов, изъятое с греческого диалекта и ныне новосочиненное со многим трудолюбием словенски коемуждо благочестивых зело полезно и к ведению потребно»***, в котором касается учения о промысле, предопределении, душе и пр. Какой-то неизвестный пишет: «Возражения лютеранам и кальвинам, порицающим православие».

<...> Вскоре после произнесения в Москве Иоанникием указанного выше слова, Лихуды были сосланы в Костромской Ипатьевский монастырь****. Здесь трудолюбивые братья, сами ли по себе или по внушению Иова Новгородского, как говорит Филарет в своей истории, задумали обширное сочинение против лютеран и кальвинистов. Поводом к составлению этого произведения послужили: *Метафизика* Иоанна Маккова (издан. 1688 г.), *Напоминание о изрядных родех волшебных* Каспара Пейцера***** и *Катехизис христианства* Иоакима Камерария, «в которых (книгах), по словам Лихудов, были несносные хулы

* Проповеди Стефана Яворского, 1804 года. Ч. II. С. 12, 26, 46; ч. I, с. 142.

** Чистович. Ч. I. С. 141, 143, 148, 155; ч. II. С. 43, 46.

*** Рукоп. Рум. музея. № 317.

**** Год и причину их ссылка указывают различно. История Славяно-Греко-Латинской академии. С. 71.

***** Пейцер был доктор медицины, женат на дочери Меланхтона.

на нас, православных христиан, но тягчайшие и несноснейшие суть: будто мы православные идолослужители есмь и хлебо-служители, и яко Божие таинство божественного священнодействия, сиречь честное тело и животворящую кровь Христову волхвованьми, а не действием и силою Св. Духа совершаем, и ина некая трепетнейшая». Долго Лихуды трудились над своим сочинением, опровергая «несноснейшие хулы» своих противников; наконец в 1706 г., вызванные Иовом, с дозволения государя, в Новгород, окончили здесь свой труд*. В своей книге братья с обстоятельностью и ученостью доказывают необходимость внешнего богослужения, иконопочитания, почитания святых, важность и значение монашества, недостаточность одной веры без добрых дел, излагают историю соборов и т. п.; но в особенности останавливаются на учении о пресуществлении хлеба и вина в тело и кровь Христову в таинстве Евхаристии, указывая заблуждающимся, что «в пресуществлении хлеба и вина Богочеловек Иисус смешался и соединился с нами не только в вере, не типически только или образно, не фантастически или мысленно, но на самом деле предлагает нам тело Свое»**. В сочинении Лихудов берет значительный перевес над полемикой изложение учения Православной церкви. Предположенная задача этого и требовала. Ученые братья хотели доказать хулителям Православной церкви, что последняя нимало не погрешает, что ее вероучение и обряды ведут начало от древней апостольской церкви и потому она истинная Христова церковь. Но полемика, везде уступая место положительному учению, пронизывает, однако, всю книгу Лихудов, в той мере, в какой было необходимо и уместно ввиду прямой задачи сочинителей, и обращает на себя внимание читателей оживленностью, энергичностью, а подчас и запальчивостью. В способе раскрытия взятого предмета у Лихудов нет чего-либо особенного; вся система доказательств располагается по известному общепринятому порядку: за свидетельствами Св. Писания Ветхого и Нового Завета следуют соборы, св. отцы, историки, наконец, доводы здравого разума. Посвятив сочинение четырем вселенским патриархам (Киприану Константинопольскому, Герасиму Александрийскому, Макарию Антиохийскому, Хрисанфу Иерусалимскому), труженики-братья

* В конце посвящения книги патриархам означен 1706 год, 8 сентября.

** Рук. Моск. дух. акад. № 275, на греч. языке, листы не нумерованы.

представили его Петру, с просьбою «в мир изъяти сию книгу». Но не было признано нужным предать ее тиснению.

<...> Виднее всех литературных произведений Петровского времени, направленных против лютеро-кальвинского учения стоит, бесспорно, *Камень Веры* Яворского. По полноте содержания, силе аргументации, обширности богословской учености *Камень* не имел равного. Яворский останавливается с особенным вниманием на каждом члене вероучения, относительно которого разногласны лютеро-кальвины с православными. В книге находим подробные рассуждения: о св. иконах, кресте, мощах святых, Евхаристии, призывами святых, св. предании, литургии, постах. Полемика митрополита дышит прямою и уверенностью. Взять два, три слабые возражения противника и ограничиться ими — не в духе Яворского. Он выдвигает целый ряд возражений, останавливается с особенным вниманием на труднейших, вопросы и ответы ставит прямо. При опровержении данных возражений не отделяется пустыми доказательствами, не уклоняется от ответа. Тон полемики Яворского вообще резкий. Это произошло от свойства полемических приемов автора, от его пастырского негодования и оттого, наконец, что он при составлении *Камня Веры* пользовался католическими богословами, например Беллярмином. Схоластическое образование Яворского, как выходца юго-западных школ, сказалось в книге с избытком. Явление тем более естественное, что Яворский придавал большое значение своей схоластической учености, ставил ее на вид, гордился, дорожил ею*. Схоластика сказалась во всех полемических приемах автора: любимый оборот его — поставить противника в оборонительное положение, задать возражение на возражение и потом сообразоваться с ответом; любимая форма опровержений — правильный силлогизм. Схоластический костюм *Камня Веры* не помешал, однако, последнему приобрести громадное значение. Он лег в основу всей нашей богословской полемики против протестантства. Историческая судьба *Камня*, небывалый шум, произведенный его появлением в печати, — красноречивое свидетельство его важности в богословско-полемической литературе.

<...> Религиозное движение Петровского времени, возбужденное в среде православных, было настолько общим и живым, что не могло ограничиться только письменными произведения-

* *Камень Веры*. Ч. II. С. 143–149, 510–511.

ми. Борьба с лютеро-кальвинскими идеями велась и в других многообразных формах, непосредственно соприкасаясь с жизнью. Воспитание, диспуты, беседы были естественными средствами в руках ратоборцев.

<...> Московская академия обращала особенное внимание на богословское образование своих питомцев, старалась готовить из них людей не только твердо держащихся православия, но и способных полемизировать с врагами его, особенно же опасными по тому времени Лютеровыми последователями. В этих видах ректоры академии свои богословские чтения наполняли полемическими трактатами, разбирали учение лютеран и кальвинистов вдоль и поперек, будучи убеждены, что «состязательная часть важна и необходима для обличения новейших еретиков». С тою же целью учеников постоянно упражняли в диспутах, «для большего возбуждения к учению, и паче для защищения веры православных догматов».

<...> Живая борьба, общие черты которой мы старались отметить, вызвала на полемическое поле, вслед за передовыми бойцами, второстепенных ратников, о которых история, однако, не упоминает и одним словом. Говорим это не без основания. Никому доселе не известно было, что князь Михаил Кропоткин стоял под одним знаменем с Яворским, Лопатинским, Лихудами и др., противодействовавшими лютеранскому влиянию. Рукопись Румянцевского музея (№ 608), заключающая в себе труд Кропоткина, требует отвести князю подобающее место в ряду защитников православия, воевавших «с люторы и кальвины».

О князе Кропоткине нигде и никаких нет сведений. Не много дает их и самая рукопись. В ней находим всего каких-нибудь два-три неопределенных указания, которые, за отсутствием всяких данных о Кропоткине, не лишены значения. Подпись в конце «посвящения» и «предслова» свидетельствует о княжеском происхождении автора. Из родословного же сборника, изданного кн. П. Долгоруковым, видно, что род Кропоткиных один из древнейших: князя Кропоткины — потомки Рюрика, и Михаил (Васильевич или Алексеевич) приходится в 8-м колене*. Из разрядных книг узнаем, что Василий Петрович и Воин (Кузьма) Михайлович были при Михаиле Федоровиче в числе

* Российский родословный сборник. Изд. кн. П. Долгорукова. СПб., 1840. Кн. I. С. 12. Кн. II, 101–102.

воевод*. Приняв сказанное в соображение, нужно думать, что М. Кропоткин был в числе видных лиц своего времени. На это, впрочем, находим указание и в самой рукописи.

<...> Сочинение Кропоткина есть не что иное, как выписки о лютеровой и кальвинской ереси из польских хроник Яна Ботера и Александра Гвагнаина (по изд. 1611 и 1613), из печатного Филаретовского требника, из книги Кирилла иерусалимского, и перевод с польского Краковского издания (1689) «разных росказней о Цареграде и дворе цезаря Турецкого». Для нас, собственно, имеет интерес и значение первая половина книги, то есть те сведения о лютеранах и кальвинах, которые князь сообщает благосклонному читателю.

Не представляя чего-либо нового и особенного сами в себе, выписки Кропоткина о Лютере и Кальвине важны в том отношении, что показывают, чем мотивировался подбор и изложение готовых данных. Мотивы князь сам выясняет в «посвящении» и «предслове», характеризуя свой взгляд, понимание дела и отношение к последователям Лютера.

<...> Не получив, как видно, основательного богословского образования, князь Кропоткин не мог входить в суждения о сущности протестантских учений, а поневоле должен был вращаться в кругу общих положений и выражений, касаться больше внешней стороны учения и действий своих противников. Но, при недостатке богословского образования, Кропоткин, однако, горел ненавистью ко врагам. Этим объясняется, почему предслово кипит негодованием и принимает то молитвенный тон, то увещательный, то тон обличения, то угрозы.

Горе таковым, иже напоят ближнего своего вос-
пращения мутна и глаголют горькое сладко и слад-
кое горько, и полагают свет тьму, и тьму свет.

Где недосмотрят очи, тяжко слышат уши.
Люторская ересь зело губит наши души.

<...> Кропоткин находит уместным выяснить читателю, почему эти еретики злейшие и насколько он знает их. Лютер и Кальвин «написали хульные глаголы на все таинство и действо христианское, тако ж и на Богоматерь — на Святую Владычицу нашу

* Разр. книги. Т. I, 1853; т. II, 1855. Князя Кропоткины.

Богородицу, и на святых Божиих угодников хулу глаголали и образы их написанные яко бы ко идолом применяли... Святое ж божественное Писание, в нем же просвещение разума и святые веры истины познание, в них бо сподобляются богозрительные души святости и наследия горняго Иерусалима, все ложь быти вменили — глаголют бо оные яко едина вера спасет человека, дела же отместут». Таково их нечестие. Польские хроники (Я. Ботера и А. Гвагнаина), российские тисненные книги, самый их «Коллоквиорум» поведают о том. Оплакивать таких учителей следует, тем более что они «многих зле прельстили». По учителям де и ученики. Что такое лютераны? Называются христианами, а по своему нечестию и имени этого недостойны: нет у них ни священства, ни церковных учителей, ни законных браков, ни крещения. Как же не оплакивать, не бегать их? Избегать, сторониться их требует простое благоразумие:

«Ныне и между нами, правоверными христианы,
Много в домех пребывают лютораны;
И учат юных детей в Российском народе.
Приводя прелестно ко своей незгоде.
В науках детям своего закону книжку Коллоквиорум
прикладают,
А тою во юных летах детей прельщают,
Дабы той их люторской слабой закон они знали,
И правоверным о воздержании всяком в спор говорили.
Должно бо благочестивым крепко себя остерегати,
Дабы в люторския их прелести весьма не внимати.
Сии люторы, аки волки, егда в стада овец вбегают,
Не щадяще стад, всех их поражают.
Так сии лютры своєю ересью нас прельщают,
Слабостию от праваго христианскаго закона отолащают,
Много бо прелести от них о сем аз слыша и огорчихся,
От согласия их и дружбы за сие весьма отлучихся» (л. 9).

Но что всего печальнее и опаснее — еретики эти, при своем нечестии, неисправимы: «они бо лютры зело нечестивы суть, правде сущей не покоряются, но, аки аспиды глухие, затыкают уши своя, еже бы не слышать гласа обавающих» (л. 7 на обор.).

Как ни незамысловато, как ни бессодержательно произведение Кропоткина, с которым мы старались познакомить читателя, при всем том оно характерно и не лишено значения по отноше-

нию к вопросу о борьбе с протестантскими идеями в Петровское время.

Мы видели, что Кропоткин много пользовался польскими хрониками. Такое обращение в борьбе с протестантскими идеями к сочинениям католических писателей не есть что-либо исключительное. Яворский в своем *Камне Веры* много пользовался католическими богословами и не считал главу «о наказании еретиков» не согласно с духом православия.

